

«ВСЕМ ПРОЧИМ СЛАВА...»

Дмитрий Целорунго

В бою у русских офицеров была основная привилегия —
стать под огонь противника первым

При въезде в село Бородино со стороны Москвы на невысоком гребне берега речки Колочи стоят два белокаменных памятника: один — 1-му и 19-му Егерским полкам, другой — Лейб-гвардии Егерскому полку и Гвардейскому экипажу. Именно здесь на рассвете 26 августа произошла первая схватка русской и французской пехот. В предрассветной мгле дивизия генерала Дельзона атаковала гвардейских егерей, которые защищали село Бородино. Русские, отбиваясь от численно превосходящего противника, были вынуждены отступить. Сто шестому линейному полку французов удалось переправиться на правый берег Колочи — два моста через эту речку остались целыми. На помощь лейб-гвардии Егерскому полку пришли воины 1-го, 19-го и 40-го Егерских полков. Вспоминая это жаркое дело, один из его участников, командир 1-го батальона 1-го Егерского полка Михаил Петров, писал в своих мемуарах, что после меткого залпа его батальона всем фронтом по неприятелю французские солдаты пришли в смятение, — успех дела решила штыковая атака всего 1-го Егерского полка. После окончания этого удачного натиска к армейским егерям прибыл начальник штаба 1-й Западной армии генерал-майор от артиллерии Алексей Ермолов. Оценив обстановку, он приказал оставить наполовину освобожденное село Бородино и истребить оба моста через Колочу, только что отнятых у неприятеля. Русские егеря и матросы Гвардейского экипажа под сильным артиллерийским и ружейным огнем противника приступили к уничтожению двух мостов. «К чести моих офицеров, — писал Петров, — штабс-капитана Юшковича, поручика Коневцова, подпоручиков Сиверских 1-го и 2-го, смертельно там израненных, прапорщиков Готовцева, Атаманского и Кабеки, бывших со мною для примера и ободрения подчиненных по грудь в водитинистой речки, при глазах нашего русского Роланда А.П.Ермолова, стоявшего на окраине берега над нами под убийственными выстрелами неприятеля и ободрившего наше превозможное всего, и того, когда мы шпагами и тесаками рубили веревчатые и форостяные прикрепы плавучего моста». Описанный участником сражения эпизод характерен для поведения русских генералов и офицеров на поле боя, когда они своим примером ободряли и

вдохновляли на подвиг своих солдат. Стоять под выстрелами во весь рост впереди своих солдат, не выказывая ни тени страха, — вот неписаное правило поведения русского офицера в бою. В бою у русских офицеров была основная привилегия — стать под огонь противника первым.

Так, после 10 часов во время боя у батареи Раевского в контратаку Астраханский гренадерский полк повел его командир полковник Буксгевден, который «трижды раненный, истекая кровью, при последнем почти издыхании все еще вел батальоны наши в атаку и, лишь взойдя на нашу батарею, отбитую полком у неприятеля, бездыханный, пал на месте; солдаты и офицеры в этом брали с него пример».

Здесь можно вспомнить и героя романа Л.Н.Толстого «Война и мир» Андрея Болконского в тот миг, когда у его ног вертелась граната, а он стоял на виду у своего полка, прекрасно осознавая смертельную опасность, но мысль о том, «что на него смотрят», заставляла стоять его непоколебимо, искушая свою судьбу. «Стыдно, господин офицер», — это была последняя в тот день осмысленная фраза Болконского, с которой он обратился к бросившемуся на землю адъютанту.

И не случайно одна из наиболее часто встречающихся формулировок в наградных офицерских списках была: «Личным мужеством подавал пример для подчиненных».

Русским офицерам тоже было с кого брать пример. Так, не было в центре русской позиции опасного места, на котором не появлялся бы главнокомандующий 1-й Западной армии генерал Барклай-де-Толли, ободряя полки словом или примером. Участник Бородинского сражения адъютант Барклай майор Вольдемар Левенштерн в своих воспоминаниях писал о мужественном генерале: «После дела при Бородинском мосте генерал Барклай спустился с холма и объехал всю линию. Ядра и гранаты буквально взрывали землю на всем пространстве. Барклай проехал перед Преображенским и Семеновским полками. Молодцы гренадеры приветствовали его спокойно, стоя с истинно военной выправкой. Ядра начинали уже производить опустошение в их рядах, но они стояли по-прежнему стойко и безмолвно с ружьем у ног и спокойно смыкали ряды, когда ядра уносили из них жертвы».

Несколько позже Барклай водил в атаку кавалергардский и конно-гвардейский полки. Он ехал впереди кавалеристов в полном генеральском мундире и в шляпе с черным пером. И здесь под жестоким огнем противника войска, видя отчаянную храбрость Барклая, впервые за горькие дни отступления приветствовали его обычными криками «ура» — таким образом произошло его примирение с войском. Русские генералы на поле битвы повсеместно демонстрировали образцы стойкости и отваги. Так пали в бою, возглавляя своих солдат в атаке, командир 3-го пехотного корпуса генерал-лейтенант Николай Тучков-1 и его брат, командир пехотной бригады генерал-майор Александр Тучков-4. Возглавляя атаку, погиб начальник артиллерии соединенных армий генерал-майор Александр Кутайсов. Главнокомандующий 2-й Западной армией генерал от инфантерии Петр Багратион все время был в гуще боя со своими солдатами и офицерами у деревни Семеновской, где и был ранен ружейной пулей. Это ранение оказалось для любимого в войсках генерала смертельным. В бою у деревни Семеновской командующий центром русской позиции генерал от инфантерии Дмитрий Дохтуров встретил противника в середине каре 2-й Гренадерской дивизии, спокойно сидя на барабане и приговаривая: «Умирать, так умирать всем, ни шагу назад! Все равно умирать же под Москвою».

У русских генералов, ревниво относившихся к успехам друг друга, в Бородинском

сражении даже появлялось соперничество в проявлении отчаянной храбрости, порой принимавшее довольно неожиданные формы. Генерал от инфантерии Михаил Милорадович, командовавший двумя пехотными корпусами, узнав о храбрости главнокомандующего 1-й Западной армией, сказал: «Барклай хочет меня удивить». Затем он поехал дальше под перекрестные выстрелы французских батарей и приказал подать себе там завтрак.

Не секрет, что в бою первой целью для противника был генерал или офицер. В Бородинском сражении наиболее чувствительные потери понес офицерский корпус, о чем и писал начальник штаба 2-й Западной армии Э.Ф.Сен-При: «День 26 августа близ Бородина не был решительным ни для одной из двух сражавшихся там армий. Потеря с обеих сторон была приблизительно одинакова, и для русской армии она была чувствительна только по числу офицеров, выбывших из строя, и вызванной, вследствие этого, кратковременной дезорганизацией большинства полков». Мы располагаем данными об утратах, понесенных русской армией в Бородинском сражении. Из четырех тысяч русских офицеров регулярных частей 1181 получил ранение или контузию, а нередко и не одну, в битве было убито 206 офицеров.

Однако одной стойкости и мужества для победы в бою было недостаточно, нужна была и высокая профессиональная подготовка всего личного состава армии и прежде всего офицерского корпуса, которым, как показали боевые

Могилы русских офицеров, погибших в Бородинском сражении

действия на Бородинском поле, в должной степени русская армия и обладала. В Бородинском сражении русские офицеры проявляли образцы командного мастерства и инициативы. Вот только несколько тому примеров. В конце боя у Шевардинского редута 27-я пехотная дивизия продвигалась по полю уже в полной темноте. Но вдруг загорелись на стороне противника стога сена и русские рассмотрели большую колонну наступающих французов. «Выждав их приближение, 27-я дивизия внезапно ударила в штыки во фланг неприятелю».

Сам генерал от инфантерии Барклай-де-Толли до получения своего первого офицерского чина 2 года служил в унтер-офицерском чине на действительной службе. Обилие войн, в которых участвовала Россия в начале XIX века, способствовало тому, что молодые офицеры быстро набирались боевого опыта. Среди русских офицеров, пришедших на Бородинское поле, только для каждого десятого офицера это была первая битва, а более половины участвовало не менее чем в трех битвах. С одной стороны, 45% русских офицеров, участвовавших в Бородинском сражении, в основном младшие офицеры, не имели до 1812 года боевого опыта. Но, с другой стороны, у командного звена, начиная от командира роты и эскадрона, боевой опыт был значительный: только для 2% командиров рот и эскадронов эта война была первой, а среди командиров батальонов и полков таковых практически не было, причем у многих командиров за плечами было несколько войн и десятки сражений. Каждый десятый офицер из состава регулярных войск русской армии участвовал в генеральных сражениях против наполеоновских войск 1805–1807 годов — таких, как битва под Аустерлицем, Прейсиш-Эйлау, Фридрихсбург. Каждый четвертый русский офицер в 1812 году до Бородина сражался под Витебском, больше половины — под Смоленском. Вместе с тем основная часть офицерского корпуса была молода — не старше 30 лет (около $\frac{3}{4}$ офицеров), а средняя продолжительность службы у офицеров находилась в пределах 8–10 лет, причем 90% русских офицеров регулярных полевых войск были холосты.

Шедший во главе Одесского полка полковник Ставицкий сам повел полк в атаку, причем был контужен в правую ногу, но продолжал воодушевлять одесситов своею храбростью, не обращая внимания на сильную боль. Рукопашная схватка продолжалась недолго: не ожидавшие нападения французы смешались и в беспорядке отступили назад. Подоспевшие русские кирасиры довершили поражение и отняли у противника пять орудий».

В решающий день сражения в 10 часов утра во время отражения второй атаки на батарею Раевского командир Псковского пехотного полка полковник Ляпунов, заметив цепь неприятельских стрелков, наносящих большой вред обороняющимся, отрядил роту штабс-

капитана Лисаковского и роту штабс-капитана Капцевича, приказав прогнать эту цепь. «Вызванные роты, пройдя скрытно, ложиной вперед, ударили во фланг французским стрелкам и обратили их в бегство; потом, соединившись вместе, роты эти ударили на ближайшую к ним неприятельскую колонну, подходившую на помощь своим стрелкам. В то же время штабс-капитан Псковского пехотного полка Набожинский, узнав, что на батарее, выставленной впереди корпуса, много артиллеристов убыло из строя, привел туда солдат своей роты и помог, таким образом, батарее действовать по неприятельским колоннам».

Перед битвой начальник артиллерии генерал-майор граф А. И. Кутайсов выпустил приказ: «Подтвердите от меня во всех ротах, чтобы они с позиций не снимались, пока неприятель не сядет верхом на пушки. Сказать командирам и всем гг. офицерам, что, только отважно держась на самом близком картечном выстреле, можно достигнуть того, чтобы неприятелю не уступить ни шагу нашей позиции, артиллерия должна жертвовать собою. Пусть возьмут вас с орудиями, но последний картечный выстрел выпустите в упор. Если бы за всем этим батарее и была взята, хотя можно почти поручиться в противном, то она уже вполне искупила потерю орудий». Эти знаменательные слова Кутайсова сделались его духовным завещанием для артиллерии и, конечно, его приказания были на следующий день буквально исполнены.

Так, два орудия гвардейской конной артиллерии под командою подпоручика барона Корфа, удерживая напор неприятельской колонны корпуса Груши, подскакав на самую близкую дистанцию и не опасаясь, по завету Кутайсова, потерять свои орудия, несколькими картечными выстрелами отбросили колонну. После того, как рассеялся дым, вместо грозно шедшей колонны лежала груда трупов. «Аж черно да мокро!» — вырвалось у солдат, — вспоминал участник этих событий прапорщик л.-гв. Артиллерийской бригады Авраам Норов. Далее он писал о действиях своих однополчан около 11 часов дня 26 августа: «Весь корпус маршала Даву, потом корпуса маршала Нея и Жюно, подкрепляемые артиллерией тех орудий, которые были на позиции, рвались отчаянно овладеть флешами. В это время 1-я легкая батарея гвардейской конной артиллерии капитана Захарова, завидя из-за Утицкого леса корпус маршала Жюно, быстро понеслась на него. Вся голова неприятельской колонны была в полном смысле положена на месте под его картечными выстрелами, чем он и дал случай нашим кирасирам произвести блестящую атаку и отбить несколько орудий». Французская пехота была опрокинута и отеснена в Утицкий лес. Позиция была удержана до подхода пехотного корпуса генерала Багговута. После этой атаки, спустя некоторое время, Захаров был убит.

Поле битвы под Москвой 7 сентября 1812 г.
Литография по рисунку А.Адама. 1830-е гг.

Часто офицерам приходилось замечать в ходе сражения выбывших из строя своих командиров и с успехом справляться с новыми обязанностями, как это было в кирасирском Военного ордена полку, где 24 августа при Шевардине был ранен командир полка полковник Штакельберг, которого заменил майор Вульф. В начале сражения 26 августа майор Вульф получает рану картечью в ногу и выбывает из строя, и его на месте командующего полком тут же заменяет ротмистр Григоровский, который практически в течение всего сражения командовал полком и неоднократно водил его в атаки. В результате одной из атак кирасиры Военного ордена полка под командованием ротмистра Григоровского опрокинули французских кирасир, прогнав их более версты, и, взяв в плен командовавшего неприятельской колонной полковника, в следующей атаке опрокинули французских улан и разбили их.

Приведу еще один пример отличной инициативы, проявленной в бою русским офицером. В момент первого захвата французами батареи Раевского адъютант Баркляя-де-Толли майор Левенштерн, проезжавший у батареи, увидел стоявший вправо от укрепления сомкнутый батальон Томского пехотного полка. Майор Левенштерн быстро сориентировался в сложной обстановке, возглавил этот батальон и лично повел его в атаку. Смелая атака томичей, поддержанная батальоном Уфимского полка, приведенным генералом Ермоловым, выбила французов с батареи Раевского.

Участник Бородинского сражения французский генерал Пеле так описывал умелое действие русских войск в битве: «По мере того, как подходили к багратионовым войскам подкрепления, они шли вперед с величайшею отвагою, по трупам павших для овладения утраченными пунктами. Русские колонны, во глазах наших, двигались, по команде своих начальников, как подвижные

шанцы, сверкая сталью и пламенем. На открытой местности, поражаемые нашей картечью, атакуемые то конницею, то пехотой, они терпели огромный урон, но эти храбрые воины, собравшись с последними силами, нападали на нас по-прежнему».

Поведение русских офицеров в Бородинском сражении порождало уважение у сильного и дотоле непобедимого противника и восторг, смешанный с завистью у своих собратьев по оружию, которым не довелось участвовать в таком грандиозном событии, каким являлось сражение при Бородине. Молодой офицер Андрей Раевский, попавший в действующую армию в 1813 году, с завистью смотрел на своих сверстников, которые уже побывали в сражениях Отечественной войны 1812 года: «С какою завистью смотрел я на них. Все почести и награды казались мне не столь лестны, как приятная возможность сказать некогда: «Я встречал смерть за родину под священными стенами древней столицы России!»

Отечественная война 1812 года в историческом плане — событие от нас не столь отдаленное. В архивах нашей страны хранится несметное количество документов, относящихся к этой славной эпохе, — в них упоминаются имена как прославленных полководцев, так и большинства офицеров и солдат 1812 года. Теперь наш долг, долг историков и просто любителей отечественной истории, обратиться к этим именам. В этом направлении сотрудниками Музея-заповедника «Бородинское поле» проведена большая работа: создана база данных на электронных носителях «Участники Бородинского сражения», которая включает в себя сведения на всех русских генералов, а также на 3952 офицера, а это почти 95% от всех офицеров русских регулярных воинских частей, принявших участие в Бородинском сражении. Работа продолжается — база данных пополняется новыми именами. Второй год музей трудится над созданием базы данных на солдат — участников Бородинского сражения. Здесь предстоит сделать в несколько крат больше, чем было сделано, но этот труд поддерживается тем живым интересом к отечественной истории, который проявляется многими людьми, начиная от профессиональных историков и заканчивая школьниками. Музей-заповедник постоянно получает письма со всех уголков нашей страны, а также ближнего и дальнего зарубежья, в которых задаются вопросы о конкретных участниках Бородинского сражения, и мы всегда готовы поделиться имеющимися у нас сведениями.